

Автор - Тимофей Моисеев, Красноярск (Россия).

ЗЕЛЕНАЯ РОЩА

* * *

Облака покинули Красноярск.

Утки дрейфуют по Каче.
Рвётся лист как яростный баск,
а ветер – просто сын собачий.

* * *

Вот малина и вишня у забора спеют:
одна будет сладкой, другая – с кислинкой.
Также мысли мои в извилинах мозга зреют
под действием чая и кофеина.
Одна упругим и чёрным корнем
в пережитОго увязнет жиже;
другая – лучом июньского солнца
грядущее словно на шпажку нанижет.
И вот я, мыследум неуклюжий,
между прошлым и будущим криком
кисло-сладкое кушаю блюдо,
наслаждаясь забористым мигом.

Зелёная Роща

Вот опять я забрёл
в это место мечты, металлургии гетто,
глушь промышленных зон и приют комбинатов,
дебри ромбов и сеток.
Вновь чуть слышно сказал:
там есть жизнь за стальными ларями.
И я снова измерил Зелёную Рощу шагами.

Предо мною проспект
протянулся бескрайне под дымчатым небом;
за спиной грузовик
прокряхтел с так же пахнущим хлебом;
и дворовых собак
просветлили угрюмые морды, –
утро доброе, школьные чудные годы!

Рок окраин встречает нас вновь.
Слышите, ритм окраин,
сальнопатлый рок-бэнд
в чёрных куртках, банданах, лентяи?
Не мираж и не пыль -
чья-то тень над кассетным «мафоном»
лентой лет разлетается вокруг от гитарного грома.

В красных галстуках вы,

в синей форме в подъезде, на горках
задержались на миг
на ступеньках в ракушечных створках,
прижимая к губам неразвёрнутый фантик конфеты,
и дымят за спиной дорогие стране сигареты.

Вот и свиделись с вами мы вновь:
до чего вы невинны!
В крышах алый восход
прожигает седые холстины.
До чего вы просты: вас понять
мне вовек невозможно.
Утро доброе, детство моё: до чего ты несложно!

По глухим пустырям
пробираются псы-баскервили.
Над заросшим ручьём
всё проносятся автомобили.
На растресканный тракт,
изгибаясь в струении зноя,
поднимаются фуры, и сосны встречают их стоя.

Это наша жара.
Во дворе новый тополь обманчиво строен.
Предо мною блещут
в белом пластике тысячи окон.
Прикрываю глаза,
чтоб от ликов вконец не ослепнуть.
Это наша жара обернулась как фантиком пеплом.

Где её нам найти,
если мёртвые пиксели всюду?
Мы в начале пути
верим каждому встречному чуду,
будто музыки лад
в новостройках царит изначально.
Разбредаемся все, но в итоге находимся в спальне.

Значит, призрачны мы.
Жизнь проходит сквозь нас без препятствий.
Значит, кто-то из тьмы
тянет нам шоколадную пасту.
И исполнен любви,
и исполнен любви и капли,
он уводит от края нас всех и толкает в постели.

Как приятно не быть,
оттого, что навроде иголки
в чьих-то днях и трудах
мы становимся пылью и полкой;
или нет – потому,
что расходимся ночью кругами,
затихая в земле, мы становимся явью и снами.

Вот я снова иду
в том же радужном сне, после рынка направо.
Предо мною бежит
на каникулы летние деток орава.
Строгий в меру отец
вдаль из Рощи неспешно уходит,
и шипит в проводах тёплый ветер пластинкой мелодий.

Как отчётлива жизнь
в предпоследнем видении детства:
вот змеится тропа,
и вот мышь обращается в бегство.
Продуктовый ларёк
предлагает купить минералку.
Проезжают машины, и смотрит с дороги русалка.

Разве истинный я,
озарённый луной и полынью,
пробирался на свет
сквозь пустырь той весенней теплыню,
и чудовищный вой
из оврага с водой доносился?
Разве истинный я? Я не умер, но я изменился.

Кто-то дивный проник:
неизвестный, красивый, всевластный.
Над дорогой возник,
протекает огонь жёлто-красный.
И в глазницах у псов
тьма расходится – по метеору.
Кто-то в окна глядит не мигая сквозь память и шторы.

Значит, призрачны мы.
Значит, зря мы скорбим и страдаем
по своим и чужим.
Значит, наша жара не спадает.
Выпадает одно:
улыбаться легко и умильно.

Непосильно объять. Обнимать – только это посильно.

То, куда мы идём,
это гарь или адова пустошь,
или просто тупик,
заколдованный круг белых бюстов?
Никому не понять,
что нас так изнутри разжигает.
Может вера в любовь? Нет, она только от смерти спасает.

Это вечный огонь:
нестихающий гул, громыхающий голос,
полный дыма проспект,
убывание зла, пребывание Бога,
толчея и содом,
открывание двери на той на остановке,
и сомнение – разом, во всём – в миг тот вечно неловкий.

Салютую себя
этим чудным подарком, обновой.
Салютую себя
продолжением жизни суровой,
этим пешим путём,
этой далью в раскидистых соснах,
расцветающей мыслью при виде иссушенной кости.

Изначально чужой,
посторонний, какой-то нездешний,
не людской и не свой,
ты молчишь о себе, пересмешник.
Ни к чему не привык,
позабыл или вовсе обчёлся,
лёгкой тенью незримо по Роще Зелёной пронёсся.

Никого не задел,
никому не испортил причёску.
Я почти что-то успел,
миновал все дворы, перекрёстки.
Впереди только край,
и сжимать до последнего пальцы.
Наконец-то я с детством своим совершенно расстался.

Уверяю себя:
столько отдано сил, это всё не пропаще,
столько отдано сил,
столько фантиков будет блестящих,

столько памятных мест, –
или Роща одна? – будто дверь закрываю,
столько грусти во мне по оставленной горке и школьному маю.

Дорогие российские авторы!
Теперь Вы можете легко оказать дружескую помощь нашему portalу.

Сделать это можно:

- путем перечисления средств

на карту VISA Сбербанк РФ

номер карты: 4276 3801 8778 3381

на имя: ГУНЬКОВСКИЙ АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ

Узнать подробнее можно - [здесь](#)